

Цлана Вольнскаја * Кирила Кацеев

МАГИЯ БЕЗ ПРАВИЛ

Црка Хортница – суперведьма!

**Илона Волынская
Кирилл Кащеев
Магия без правил**
Серия «Ирка Хортица – суперведьма», книга 6

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3940065
Магия без правил : повесть / Илона Волынская, Кирилл Кащеев: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-44300-0*

Аннотация

Игра продолжается! Ирка, Богдан и Танька должны любой ценой пройти «Колдовской квест» – иначе они погибнут или навсегда останутся в плену коварного заклятия. Но как это сделать, если друзья Хортицы забыли о том, кто они, а сама Ирка постепенно превращается в упырицу? С каждым часом в ней все меньше от ведьмы-оборотня и все больше – от страшной Повелительницы Ночи. Скоро ее не будет интересовать ничего, кроме свежей человеческой крови! Игроки переходят из тура в тур, счет времени идет на секунды... Да, кажется, никогда прежде Ирка, Богдан и Танька так не рисковали!

Ранее книга «Магия без правил» выходила под названием «Ведьмин круг».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Илона Волынская, Кирилл Кашеев

Магия без правил

Глава 1

Кошмары с ночи до утра и много позже...

Она глядела сон и преотлично сознавала, что сие есть не более чем сновидение – такая гадкая глупость только пригрезиться и может. Комната, привидевшаяся ей, была мала, низка и вся каменная, потолок выведен сводами, и освещение тоже скудное, вроде факелом. Право слово, настоящее подземелье, будто в мрачных романах госпожи Радклифф¹. И господин в том подземелье тоже был словно из романов – зловещ и бледен. Она пыталась шутить сама с собой – говорят, лучше нет, чем посмеяться над своим страхом! – поскольку надобно признаться: господин испугал ее не на шутку. Глаза его были поистине ужасны, будто и не человек он вовсе, а еще она увидала, что его бледные руки оканчиваются отвратительными желтыми когтями. Обряжен он был в грубую холстинную рясу, и попервоначалу показалось ей, что сия ряса грязна до невозможности и вся покрыта темными пятнами, но потом некое чувство подсказало, что пятна – не что иное, как кровь! И тут ей стало вовсе нехорошо.

Страшный господин держал в своих объятиях черноволосую панночку, юную совсем, и склонялся к ней, будто говоря нежные слова. А вот панночка показала прекрасной! Ничем она не походила ни на панну Ядвигу Потоцкую, ни на панну Барбару Чарторийску, что порой наведывались в свои палацы в Каменце, являя уездному городу истинный варшавский блеск. Черноволосая же панночка была худа до чрезвычайности и столь же бледна, да и обряжена тоже в некое подобие рваной рясы, но все едино хороша! Хоть и не нынешнего времени красота, а словно бы явилась та панночка из давних времен, когда маги по воздуху летали, а доблестные рыцари на турнирах копьё ломали.

И что-то подсказывало: не своей волей черноволосая панночка позволяет страшному господину себя обнимать – иначе разве стояли бы слезы в ее зеленых, как изумруды, очах, и разве глядела бы она на него столь гордо и непреклонно? И отчего-то казалось спящей, что знает она и эти глаза, и взгляд, и саму панночку знает, и ежели вспомнит, кто та да откуда, – вся жизнь изменится, и беды нынешние отступят. Но эта мысль едва успела промелькнуть, потому что дальше случилось ужасное! Бледный господин низко-низко нагнулся над черноволосой панночкой... Из-под приподнявшейся верхней губы сверкнули два нечеловечески длинных клыка... И этими своими страшными клыками он впился в шею! Брызнула кровь, юная девица забилась в его руках – и бессильно поникла, запрокинув голову. Ее тонкое лицо становилось все бледнее и бледнее... Она умирала!

Поняв это, спящая отчаянно закричала.

– ...Панночко! Езус-Мария-Иосиф, цо то бендзе?² Очнись, мое дзецько!

Она резко села на взбаламученной постели. В сером свете слабенького осеннего рассвета увидала отброшенный в сторону кроватный полог и склонившуюся над ней няньку – на морщинистом лице старушки читалась тревога. А позади няньки...

– Что это? – задыхаясь от ужаса, спросила она, протянув руку к дверям.

Там, у брошенной нянькой приоткрытой створки... Да, да, там, у дверей спальни, стояла та самая черноволосая! Ее длинные кудри разметались по плечам, зеленые глаза смот-

---

¹ Радклифф, Анна (1764–1823) – популярная в XIX в. писательница, автор романов ужасов.

² ...Что будет? (польск.)

рели с неизбывной печалью, а на неживой белизне шеи отчетливо атели полосы запекшейся крови.

– Господь с тобой, дзецько, ниц там нѣма!³

Она приоткрыла в страхе зажмуренные глаза. У дверей и впрямь никого не было.

– Ничего, ничего... – все еще тяжело дыша, пробормотала она. – Почудилось. Дурной сон, нянюшка. Мне снилось... – она наморщила брови, вспоминая – сон, только что казавшийся отчетливым и ясным, стирался из памяти, таял. – Подвал, вроде тех, что под ратушей в Каменце. И какой-то бледный господин. Нянюшка, какой ужасный господин! – она закрыла лицо руками. – И кровь – ах, сколько!

Нянька глухо охнула.

Она отняла руки от лица и вопросительно поглядела на старушку. Та отпрянула, испуганно прикрыв рот краем платка. Физиономия налилась значительностью, как всегда бывало, когда она носила в себе некую чрезвычайно интересную новость – вроде той, что их кучера Гаврилу поймали на сеновале с соседской горничной Явдосей. Папа́ тогда еще пришлось выкупать Явдосю у ее пана.

– И что же? – устало спросила она у няньки. Старушку всегда требовалось поощрить к повествованию. Впрочем, ежели и не поощрять, все едино расскажет сама.

Нянька отняла платок ото рта и, заговорщицки оглядываясь, прошептала:

– То до тебе, дзецько, каменецкий упырь приходил! – увидев проблеск интереса в глазах воспитанницы, присела на край кровати. – Во времена давние, еще за королей и польскую владу, летал той упырь з мяста на място, шэкал для себе нареченную. Только жодна дзивчина ему не пидходила, и всех он выпивал насухо, всю кровь высмоктывал, проклятый! Прилетел он одного разу до Каменца, знающий человек говорил – беда будет, много невинных умрут. Та только спустился той упырь в ратушные подвалы... Уж кого он там зустрил, что с ним сталося – никто не ведзя! Пропал он с той поры начисто, будто и не было его, кровопийцы! Лише час от часу до каменецких панночек в снах приходит – все невесту свою шукает, адов выползень! – а взять уж не может, нет больше его силы.

– Довольно глупости рассказывать! – сухим, как бумага, голосом, перебила няньку воспитанница. Невеста, нареченная... Да как она смеет! Как она смеет напоминать, о том, что... что и так не удастся забыть, даже во сне! Она зло поглядела на старуху. Право слово, иной раз она понимает панну Ядвигу, которая весьма предпочитает хлестать прислугу по щекам!

Нянька, видать, и впрямь поняла, что сболтнула лишнее, и теперь, вскочив с кровати, испуганно и в то же время покорно глядела на воспитанницу.

Та подавила вспыхнувшую ярость. Папа́ учил быть доброй и ласковой с дворней, ибо они находятся в полной власти панов и бесчестно срывать свой гнев на том, кто заведомо не может тебе ответить. Она откинула тяжелую пуховую перину и спустила ноги на холодный после ночи пол. Зябко обхватила себя за плечи, путаясь в пышных кружевах ночной кофты.

– Вели затопить, да пусть подадут умываться, – приказала она.

– Та не спешьсѣн, дзецько, полежи ще трохи! – поняв, что гроза пронеслась, старая нянька накинула на плечи воспитаннице тяжелую шаль.

– Нет-нет, пора вставать, – глядя сквозь мутноватое стекло на такой же мутно сереющий рассвет, покачала головой она.

– То я пришлю покоивку⁴, – кивнула нянька, по-католически, слева направо крестя свою воспитанницу, и, шаркая старыми войлочными тапками, побрела к дверям.

И уж у самого выхода ее догнал вопрос:

---

³ Ничего там нет! (польск.)

⁴ Горничную (польск.).

– Какой она должна быть – невеста вампира? – не оглядываясь, спросила воспитанница.

Нянька остановилась, придерживаясь за притолоку:

– Сильной. Она б упыря силой наделила, а он ей бессмертие дал, упырицей сделал. И ежели б сталося так, не было б от той упырицы спасения ани в замке, ани в костеле! – торжественно провозгласила нянька и вышла.

Она не видела, как ее панночка стояла у окна и, глядя на занимающийся рассвет, шептала:

– Лучше б уж за упыря замуж! Лучше бы...

Вошла девка с кувшином для умывания.

Эту горничную она терпеть не могла. Мерзкая шпионка! Даже не оборачиваясь, спиной чувствовала, что низкий поклон девки на самом деле исполнен ехидного пренебрежения. Домашней прислуге мастерски удаются подобные выходки. Только не показывать! Ни гнева, ни обиды, ни раздражения... не унижаться!

Она отвернулась от окна и с деланным равнодушием поглядела на девку.

– Я велела растопить, – кивая на невычищенный, полный старой золы, давно остывший камин, сказала она, стараясь вложить в голос всю имеющуюся у нее твердость.

– А пани экономка велела, чтоб дров не расходовать, потому как все дрова у нас свои, не казенные! – бойко выпалила девка, с насмешкой глядя исподлобья на панночку.

– Дрова не у нас, а у меня, – стараясь говорить как можно внушительнее, сказала та. – Они и не казенные, и не свои, они – мои. Мне, а не пани экономке решать, топить в моей спальне или не топить!

– Как можно, панночка! – наглая девка всплеснула руками и уставилась на панночку пуговичными глазенками. – Пани экономка ночей не спит, дней не видит, ног под собой не чувствует, рук не покладает, все за вашим добром упадет, а вы такое про нее говорить изволите! Ладно ли так, панночка?

Панночка поглядела на нее задумчиво. Хоть и редко, однако бывали моменты, когда отцовский запрет пороть дворню представлялся ей не вполне разумным. Впрочем, сие все мечты. Даже если она велит высечь нахалку, ее приказ все равно не будет выполнен. Дворня уж отлично усвоила, что можно безнаказанно унижать панночку-хозяйку, но упаси Господь хоть в малости не угодить пани экономке! Вот тогда быть холопской спине поротой, и никакое заступничество панночки не поможет, лишь хуже сделается.

– Умываться-то будете али как, панночка? – плюхая перед ней таз, спросила девка.

Вода в кувшине, конечно же, не подогрета. Умываться холодной водой в выставшей за ночь комнате – ужас какой! Но если отправить мерзавку за теплой... Девка пойдет и пропадет надолго, вынуждая свою неумытую и непричесанную хозяйку разыскивать себя на поварне, выставляясь на посмешище дворне и ранним гостям. Нет уж, довольно она опозорилась, вступая с горничной в пререкания насчет дров! Она решительно сложила ладони ковшиком.

Ледяная струя брызнула на и без того зазябшие пальцы, превращая умывание в пытку.

По привычке внимательно приглядывая, что подлая девка делает с ее платьем, она начала одеваться. Было, было уж, пыталась негодяйка: то чулки вкось наденет, то волосы уложит так, что панночка напоминала встрепанную со сна прислугу. Хорошо, что мамá всегда воспитывала свою дочь в строгости – как же сердила ее тогда эта строгость и как пригидилась она теперь! – и она умела сама не только одеться, но даже и причесываться, накручивая завитки локонов на раскаленный докрасна прут. Хотя видит Бог, какая же это мука – самой застегивать платье на спине!

Сунув ноги в туфельки, она внимательно оглядела себя в высоком зеркале. Давеча кто-то сказал, что траур необыкновенно идет к ее светлым волосам. Право же, она этого не заме-

чала, но снимать траур не хотела. Черные одежды служили хоть какой-то защитой. Когда их придется снять, спасения уж не будет.

Она накинула шаль, но шерсть не грела, холод слишком глубоко поселился внутри. Чашка чая была бы сейчас блаженством. Кухарка, наверное, ставит самовар, а быть может, и калачи из печи вышли. Кухарка – баба добрая, не откажет она в чае с калачом своей панночке, особенно ежели пани экономка, не одобряющая такого панибратства с прислугой, еще из своей комнаты не спустилась.

Она подобрала юбки и заторопилась вниз по ступенькам. К высокому парадному портрету над мраморной лестницей, у которого всегда останавливалась. К портрету, где все еще живы, еще вместе. Папа в полковничьем мундире. Мама в бальном платье...

О Боже Всевышний! На ступенях, запрокинув голову, разглядывая висящий на стене портрет, стояла тоненькая бледная черноволосая барышня в странной бесформенной рясе! Та самая! Из кошмара!

Сердце забилось так неистово, что казалось, сейчас вырвется из груди.

Черноволосая оторвала взгляд от портрета и обернулась. Ее глаза вспыхнули, словно два зеленых фонаря мигнули в полумраке лестницы. Улыбнулась, радостно и с облегчением, как улыбаются другу, которого уж и не чаяли застать в живых. Уголки бескровных губ приподнялись... Обнажая тонкие, нечеловечески длинные и наверняка, как шилья, острые клыки.

Нет, она не завизжала! Она не опозорила памяти мамá, строгим наставлением, а порой – чего греха таить! – и розгой внушавшей дочери, что в счастье и несчастье, равно как в беде иль опасности, девице хорошего рода всегда следует помнить о приличиях! А с дикими воплями, путаясь в юбках, броситься бежать было бы сугубо неприлично. Хотя и весьма желанно...

А черноволосая еще и призывно протянула к ней бледную до прозрачности руку! Поставила на ступеньку босую ногу, собираясь шагнуть навстречу... А ногти-то, Господи Всевышний, ногти-то на ногах! Страшнее клыков! Ярко-красные и поблескивают!

Она почувствовала, что если черноволосая сделает еще хоть шаг – выучки мамá не хватит! Она заверещит, будто кухонная девка, обнаружившая мышь в горшке!

Внизу хлопнула дверь поварни. Взвился прозрачный штандарт пара, зашлепали шаги... На лестнице явилась кухонная девка, с натугой волочащая на вытянутых руках дымящийся самовар.

– Утро добже нашей панночке! – чуть не впечатавшись лбом в надраенную раскаленную медь самовара, девка отвесила торопливый поклон. – Цо то панночка така бледненька?

На ступеньках под портретом никого не было.

Но ведь только что...

Цепляясь слабыми пальцами за резные перила, она смогла лишь сделать слабый жест – мол, ступай! Девка кинула на нее любопытный взор и, мотнув косой, унеслась к столовой. Облако самоварного пара неторопливо расплзлось.

Нервно комкая концы шали, она опасливо оглядела лестницу. Никого. Совсем никого. Лишь снизу слышатся привычные голоса.

Боже, уж не теряет ли она рассудок? Она укоризненно поглядела на портрет. Привычные боль и обида поднялись в душе. Как могли родители уйти и оставить ее одну? Ведь им было так хорошо втроем! Как они могли оставить ее... со всем этим? Мало, что ей видения являться стали, так и пани экономка уж на ногах – раз самовар в столовую понесли! Спит ли вообще эта женщина? Или она, как ведьма из нянюшкиных сказок, всю ночь шабаши справляет, а на заре уж самовара требует? Теперь идти в поварню неразумно. Еще раз внимательно осмотрев полутемную лестницу – нет никого, почудилось, – панночка нехотя пошла к столовой. Чаю так хотелось!

Так и есть – гости. Да еще какие неприятные. Уж этих-то двоих она всяко видеть не рада! И не жаль им поутру коней гнать! Видать, все боятся – не сбежит ли присмотренное достояние. Не сбежит. Некуда ей бежать. А и сбежит, так догонят.

Полнощекий, красный от горячего чая после холода осенней дороги господин выглянул из-за ободка широкой чашки и увидал замершую в дверях панночку. Она ласково-приветливо улыбнулась ему. Как учила мамá. Даже если гость хозяйке дома неприятен, недостойно выказывать ему свое нерасположение. Даже если в своем доме она на самом деле не хозяйка.

– Дитя мое, а вы все хорошеете! – провозгласил господин, вскакивая из-за стола. – А мы вот к вам, да с утра, уж не обессудьте! А все сынок, все Тимиш мой! Со вчера еще заладил: поедом до панночки-соседки да поедом, сердце тоскует! – он сделал широкий жест в сторону своего молодого спутника, который, видать от большой тоски, продолжал сосредоточенно жевать свежеепеченный калач.

Полнощекий склонился к ее руке.

– У нас гостям всегда рады, пан Владзимеж, – ровным голосом произнесла она, с отвращением глядя на его по-солдатски стриженный складчатый загривок. – Пан Томашек... – кивнула она молодому человеку, как раз азартно пошевеливающего пальцами над блюдом с калачами.

Тот коротко вздрогнул, похоже, получив от отца пинок под столом, обронил придирчиво выбранный калач, выпрямился...

– Прелестная панна... Цветете... Пахнете... – пробормотал он и, видно, получив второй пинок, смолк и вернулся к калачам.

Боже, боже, и вот сей чурбан бессмысленный, пугало безмозглое желает... Нет, лучше не думать! И даже не глядеть!

Отвернувшись от гостей, она медленно перевела взгляд на женщину в слишком нарядном для такого раннего утра шелковом платье, восседающую у самовара во главе стола.

– Доброе утро, Оксана Тарасовна, – ровным голосом сказала она.

– Доброе, графиня Татьяна, – едва заметно наклонила голову почтенная пани экономка.

Глава 2

Сирота Каменецкая

– Вы сегодня изволили рано встать, – проронила экономка, не торопясь наливать своей хозяйке чаю.

Как умеет сия женщина вливать в свои речи столько яду? Всего лишь несколько слов, но тон! Тон, каким они были сказаны, ясно давал понять, что обычно юная графиня спит до полудня и лишь сегодня сподобилась подняться пораньше.

– Я всегда просыпаюсь на рассвете, – равнодушно обронила Татьяна. Папá учил, что поздний сон есть распущенность, неподобающая девице дворянского звания. – О, я понимаю! – Она взглянула на гостей, словно прося у них извинения для экономки. – Оксане Тарасовне за избытием дел некогда обращать внимание на мои привычки.

Глаза экономки вспыхнули гневной зеленью. Татьяна вздрогнула: неприятное напоминание о преследовавшем ее ночью видении.

Экономка тоже настороженно покосилась на гостей, проверяя, понят ли ими Татьянин намек. Молодой Томашек равнодушно жевал, осыпая свой сюртук немислимим количеством крошек, зато пан Владзимеж слушал со вниманием. Юная графиня поспешила развить успех.

– Но сегодня столь приятно, что за этим столом я буду не одна, – сладко протянула она, с преувеличенной доброжелательностью разглядывая восседавшую по правую руку от экономки девицу, такую белокурую, что волосы ее казались льняными.

Та сперва попыталась взглянуть на двенадцатилетнюю графиню с высоты своих пятнадцати, потом неуверенно покосилась на пани экономку, потом заерзала и окончательно смешалась. Все же поняла, сколь грубую бестактность совершила, осмелившись занять место самой графини. Три ее подружки молча уткнулись в свои чашки.

– Марыся, уступи панночке графине ее кресло, – косясь на гостей, сквозь зубы процедила Оксана Тарасовна.

– Что вы, что вы, – легким жестом графиня велела девице оставаться на месте. – В доме моего отца... в моем доме... никогда еще гостя не отпускали из-за стола голодным.

Выражение лица почтенной пани экономки доставило графине истинное наслаждение. Ей напомнили, что хозяйка здесь Татьяна, а экономка и ее воспитанницы – всего лишь гости.

– Я сяду... где-нибудь там, – скромно сообщила молодая графиня и не торопясь направилась на другой конец стола. И уселась точно напротив Оксаны Тарасовны.

Если уж экономка осмеливается занять место хозяйки дома, место, на котором всегда сидела мамá... То кто помешает молодой графине занять место собственного отца?

– Быть может, Марыся передаст мне сюда чаю, – невинно глядя прямо в яростные глаза экономки, попросила Татьяна.

Столь далеко дело, конечно, не зашло – налитый пани экономкой чай подала девка. Бледная от унижения беловолосая Марыся проводила чашку ядовитым взглядом: имей он подлинную силу – лучше бы Татьяне не пить. Она сделала аккуратный глоток и подарила увлеченно жующему Тимишу милую улыбку. Правильно учила мамá: даже от неприятных гостей может случиться толк. Если бы нынешняя сцена не разворачивалась на глазах у пана Владзимежа, Татьяна могла сколь угодно долго сидеть в одиночестве на пустом конце стола – никто не принес бы ей ни чаю, ни калачей. Хотя ежели планы самого пана Владзимежа свершатся, одной потерей хозяйского места за столом она не отделается. Она потеряет все. Слезы закипели у нее на глазах. Привычным усилием она загнала их обратно. Достоинство, сдержанность, любезность. Как бы ни было на душе тяжело – никто не должен этого видеть.

– Мы с Томашеком взяли на себя смелость два бочонка с груздями прихватить – свеженькие, нынешнего посолу, – решив развеять неловкое молчание, начал пан Владзимеж. – Для нынешнего вечера в самый раз будут. Это ж какая прорвища народу соберется – как есть бедную панночку графиню вчистую объедят! – с деланым сочувствием глядя на Татьяну, объявил он.

Татьяна искренне надеялась, что на лице не отразилось ее чувств. Замечательно будет, ежели пан Владзимеж нечто подобное заявит гостям. Уж с прошлого века не существует королевства Польского, чьи земли были поделены меж Пруссией и империями Австрийской да Российской. Уж скоро лет тридцать, как сии лесистые земли присоединены к тучным наднепряньским губерниям, а подольская шляхта все держит «старовинный» польский гонор. Для соседей семейство присланного из Петербурга полковника так и осталось чужаками да завоевателями, и не слишком жалуется окрестная шляхта их поместьем визитами. Ежели еще пан Владзимеж попрекнет гоноровых шляхтичей куском – те и вовсе в дом шагу не ступят, навеки исключив молодую графиню из своего общества. Не того ли и добивается любезный гость?

– Благодарствую, пан Владзимеж, однако что ж это вы меня как хозяйку столь низко цените? – пани экономка сочла нужным выказать обиду. – Нешто поместье в запустении? Урожай был преизрядным, и собрали все до зернышка – мало ли я холопов перепорола, чтоб не ленились? Найдется, что на стол подать, а главное, все свое, не казенное! – с гордостью объявила она.

– Особливо дрова, – не сдержавшись, тихо пробормотала Татьяна.

– Панночка графиня шутить изволит? – остро улыкнулась ей экономка. – Разве ж при моем хозяйствовании на стол дрова подают? Или кухаркина стряпня панночке не угодила? – словно с тревогой спросила она. – Так, может, выпороть ее, мерзавку, чтоб шибче работала?

– Никого... не надо... пороть... – с трудом выдавила Татьяна, чувствуя, как от стыда вспыхивают уши. Заигралась! Обрадовалась малой победе и забыла, каким искусством причинять боль обладает эта женщина! Недостойно дочери попрекать умершего отца, но... как он мог назначить сие злобное создание ей опекуницей?

Ежели из-за сказанного Татьяной неосторожного слова бедной кухарке подставлять спину под кнут... Господи, как потом глядеть в глаза доброй толстухе!

– Моя шутка была не слишком удачной. Прошу прощения, Оксана Тарасовна.

– Как угодно панночке графине, – уголки губ экономки печально опустились, изображая обиду, зато глаза горели торжествующим злым огнем. – Я лишь о вашем добре пекусь неустанно.

– Глядите, не перепекитесь, пани экономка, – равнодушно обронил пан Владзимеж. – Вы, чай, не калач.

Томашек глянул на экономку разочарованно – калачей на блюде уж не осталось – и с горя принялся намазывать пышку черничным вареньем.

– А что, любезная панночка графиня, бала-то сегодняшнего ждешь? – не обращая внимания на злобно закушенную губу экономки, спросил пан Владзимеж. – Соскучилась небось по развлечениям? Шутка ли, молодой девице год в трауре ходить: ни тебе катаний, ни тебе гуляний.

– Мне не нужны развлечения. Я предпочла бы сохранять траур по родителям и далее, – опуская голову, тихо прошептала Татьяна. Что он может понимать, грубый, бесчувственный человек! Развлечения были ей нужны раньше, когда родители были с ней, когда были живы! Тогда она могла сердиться на строгость мамы, весьма переборчиво относившейся к получаемым дочерью приглашениям. А сейчас... Ей ничего не нужно. И не хочется ничего. Еще бы и от нее никто ничего не хотел!

– Да-да, – небрежно согласился пан. – Такая трагедия, помним-помним. Вот так живешь и не знаешь, где тебя судьба караулит! Вроде счастье, радость – едет покойный пан граф по пожалованному царем-батюшкой поместью, графине своей заливные луга показывает. А лошадь возьми да и понеси, а коляска возьми да перевернись! И ни счастья больше, ни радости, как говорится: «Где стол был яств, там гроб стоит».

Сынок Тимиш согласно кивнул и переложил на свою тарелку последнюю пышку – словно спешил освободить стол под грядущий гроб. Татьяна даже догадывалась – чей.

– Только живым – жить, панночка графиня. Пора, пора траур снимать! Девушка ты пригожая... – пан Владзимеж поглядел на Татьяну с некоторым сомнением, словно на самом деле никогда не задумывался – пригожая она девушка или не очень. – Да богатая, – уж в этом пан был несокрушимо уверен. – Батюшка твой покойный немало оставил, с одной сахарни чистого дохода полтыщи рубликов золотом! – похоже было, что доходы панны графини любезный сосед подсчитал до медной копейки. – Жених тебе надобен, не бабьему короткому уму такое наследство править! Жениха присматривать самое времечко! Там, глядишь, сговор, помолвка, контракт брачный для верности, – он улыбнулся, словно кот над крынкой сметаны. – Три-четыре года минуют – уж и свадьба. Только с женихом не промахнись, чтоб не вертопрах какой, а юноша серьезный, – пан Владзимеж с намеком покосился на своего Тимиша, со всей серьезностью погруженного в тарелку. – А то найдется какой – соловьем разольется, наговорит слов красивых, а как до дела дойдет, так толку с него и нету. А иной, может, говорить и не мастер... – все настоятельней поглядывая на сына, бубнил пан Владзимеж.

...Зато пышки как уписывает – загляденье! – мысленно закончила за него Татьяна, уныло разглядывая столь настоятельно рекомендуемого жениха. Вот этого-то она и боялась!

– Я еще слишком молода, чтобы думать о замужестве, – тихо промолвила она. – Батюшка не одобрил бы...

– Что батюшка одобрил, а чего нет, того мы знать не можем. Помер батюшка-граф, царство ему небесное, – зло перебила экономка. – Слыхал, пан сосед, панна графиня замуж идти не хочет! Замужем оно хлопотно, а она еще барышня молодая, хочет по балам блистать, для чего из самого Санкт-Петербурга модный туалет выписан, хотя полная гардеробная нарядных платий висят-пылятся, хоть девкам горничным раздавай!

Татьяна растерянно поглядела на Оксану Тарасовну. За весь прошедший год она так и не смогла привыкнуть к такой несправедливости. И ведь вроде всю правду пани экономка говорит, да забывает добавить, что старые Татьянины платья сгодятся не дворовым девкам, а разве их дочкам: шились-то два года назад, когда самой Татьяне было лишь десять! Хоть и заказывала их мама у лучших петербургских портных, да только теперь все жмут в плечах и неприлично открывают щиколотки. А за последний год у нее было лишь два траурных платья – шерстяное на зиму да шелковое на лето! Петербургский туалет к балу в день снятия траура ей достался потому, что панна экономка до смерти боится: как бы кто не сказал, что она плохо заботится о своей подопечной. И не в дурной молве дело, а в отцовском завещании, где все же сказано насчет «действий бесчестных, несовместимых с родовой честью и благом малолетней графини Татьяны», за какие пани экономка может быть изгнана прочь. По мнению самой Татьяны, все действия пани экономки бесчестны, ибо сама она женщина злая и недостойная. Но разве ж кто из взрослых господ ее выслушает! Пани экономка умеет прикинуться доброй да ласковой.

На сегодняшнем балу все увидят Татьяну в дорогом петербургском туалете – и кто тогда поверит историям про дрова, про отосланных из поместья учителей, про отнятые кисти, краски да мольберт, перекочевавшие в комнату Марыси, да про книги, которые из отцовской библиотеки теперь приходится таскать тайком, потому как «денег стоят, нечего их трепать да пятна на страницах ставить»! Впрочем, разоблачения пани экономка не слыш-

ком и боится, знает: юная графиня не поступится гордостью и никому не расскажет о десятках унижений, что поджидают ее каждый день. И унижения продолжатся, ведь и воспитанницы не преминут расплатиться за то, что их бальные платья заказали всего лишь каменецким портным. Готовьтесь, любезная госпожа графиня, будут вам опять и дохлые пауки на постели, и булавки в туфлях, и соль в чае.

Все беды от противных девчонок! Из-за сих воспитанниц папа́ и мама́ полагали Оксану Тарасовну женщиной происхождения хоть и низкого, зато доброты и попечения о детях чрезвычайного, потому и назначили опекушкой для своей дочери. Только сама Татьяна никогда экономке не верила. Не из доброты та держала при себе четырех молодых девушек, а ради неких планов. Хотя, каковы эти планы, Татьяна догадаться не могла.

– ...барышня состоятельная, от нового платья не разорится, – ворвался в ее размышления голос пана Владзимежа. – Привыкли уж видеть панночку вороной черной, поглядим ее павою!

«Курицей», – одними губами, но так, чтоб Татьяна видела, прошептала беловолосая Марыся.

– Однако мы вынуждены вас оставить, господа, – складывая салфетку, процедила экономка. – Вечерний бал требует немалых приготовлений. Панна графиня, извольте...

– А панна графиня-то вам зачем? – сыто откинувшись на стуле, полюбопытствовал пан Владзимеж. – Вы, пани Оксана, своими успехами в хозяйствовании хвастались, да вон еще помощницы у вас есть. Дело ли – приживалкам в гостиной прохлаждаться, пока госпожа на поварне парится?

Четыре воспитанницы дружно вспыхнули и поглядели на Татьяну с ненавистью. Молодая графиня насторожилась – никогда раньше любезный пан сосед не вставал на защиту ее господских прав. Не иначе как нужно ему что...

– Пусть панночка графиня по парку погуляет, а то бледненькая – глядеть страшно! Томашек мой ей компанию составит.

Ах вот зачем... О боже, этот пшют гороховый будет за ней по парку таскаться с нелепыми комплиментами, перенятыми у старших панов!

Редчайший случай – пани экономка совпала в желаниях со своей панночкой:

– Достоин ли юной девице, один на один с кавалером, да и дождик того гляди пойдет, – начала она, но пан Владзимеж ее резко перебил:

– Томашек мой обхождение знает, от него панночке никакого вреда, кроме пользы, быть не может! А что до погоды, так попал мне давеча журнал из самого Лондона, свежий совсем, всего два года тому как изданный! До чего, оказывается, англицкие лекари додумались? Пишут, не годится, как наши мамки-няньки, дитё в натопленной да закрытой комнате держать! От того, дескать, все хворобы и происходят! А потребен дитяте мочион в любую погоду, сиречь прогулки на свежем воздухе. Вот и идите, дети мои, погуляйте!

Татьяна обреченно встала. Никакого достойного повода отказать на ум не пришло, а обидеть гостя пренебрежением – никак невозможно! Несовместно с честью дома.

Томашек торопливо дохлебал чай и тоже поднялся, печально оглядывая опустевший стол.

– Ежели желает пан Тимиш, на прогулку можем пойти через поварню, – стараясь не допустить в голосе ни тени сарказма, предложила Татьяна.

Паныч радостно вспыхнул, но батюшка поглядел на него многозначительно, и Томашек тут же скусился, покачал головой и вычурным движением, видно, казавшимся ему самому необычайно галантным, подал Татьяне руку.

Глава 3

Жених на завтрак

– Быть может, все же зайдем на поварню? Окажите честь, пан Тимиш, снимите пробу с блюд, что кухарка к балу готовит! – сладко пропела Татьяна.

Ежели удастся оставить сие чучело среди кухаркиных разносолов, да еще бутылочку сладкой земляничной настойки присовокупить – от нежеланного кавалера она избавится.

Но паныч только жалостливо поглядел в сторону поварни, втянул носом исходящие оттуда упоительные запахи, решительно покачал головой и потащил Татьяну мимо кладовых, в запутанные переходы.

Татьяна слегка удивилась. Она была уверена, что паныч вел ее к черному, для кухонной прислуги ходу, чтоб тайком от грозного батюшки отвязаться от докучливой прогулки.

Затопотали шаги, и, пятная паркет грязью с дырявых сапог, старый Хаим Янкель поволок ящик с битой птицей. Таких кур и гусей, каких выращивал этот старик, не найдешь по всей Подольской губернии. Пани экономка, как всегда, велела старику привезти птицу – и, как всегда, не заплатит. Запутает в расчетах, в ценах на поставленное ему из поместья зерно, и старик вновь уйдет потерянный, сжимая в натруженной ладони вместо полновесного расчета поданный на бедность грошик. А пани экономка будет глядеть вслед облапошенному ею старому дурню довольно, как сожравшая мышь кошка, щуря болотной зелени глаза.

Только Татьяна порой сомневалась, так ли глуп сей старик. Уж слишком большим дурнем он слыл, а папá иной раз рассказывал, кем на поверку могут оказаться такие вот чудачки да неудачники. Покойный граф, хоть и трактовался подольской шляхтой как пришлый чужак, однако о здешних делах и особенностях был порой осведомлен получше местных.

Старик остановился, подпирая коленом тяжелый ящик и взирая на молодых людей с совершенно идиотической умиленной улыбкой:

– Панночка-красавица, выросла-то как! Ой-вэй, что за глупости старый Хаим Янкель говорит? Конечно, выросла, не ожидал же Хаим Янкель, что за прошедший год панночка уменьшится? И паныч Томашек с ней, первый кавалер! Первый до панночки с ухаживаниями поспел, всех опередил, даже бала не дождался, а люди еще говорят, что паныч Томашек – пришепелкуватый! Та то все глупые, необразованные люди, тьфу на них! Разве ж можно, чтоб такой шустрый паныч – и вдруг пришепелкуватый, когда он вовсе не пришепелкуватый, а справжний шляхетный рыцарь?

Татьяна, с интересом наблюдавшая за слушающим старика Томашеком, видела, как при каждом новом повторении слова «пришепелкуватый» курносая физиономия наливалась дурной кровью. «Как бы не прибил деда за длинный-то язык», – с тревогой подумала она.

– Справжний рыцарь, как есть в романах! – продолжал разливаться старик. – На коня посадит, на край света увезет... – старик по-сорочьи вопросительно склонил к плечу встрепанную седую голову. – А иначе зачем вести панночку гулять через кладовые с поварнями? Хаим Янкель вам скажет зачем! Все справжние рыцари сперва своих панночек ведут на кладовые и поварни. А если разобраться, так и потом тоже, что б там панночки на сей счет сами себе не мечтали.

Томашек в ответ что-то глухо рыкнул и с силой толкнул загораживающего им дорогу старика в плечо. Деда отшвырнуло к стене, ящик с треском развалился, битая птица вывалилась, пятная жиром без того вечно грязный лапсердак старого Хаима. Паныч злобно зыркнул на старика, ухватил Татьяну за запястье и поволок мимо кладовых. Дверь черного хода распахнулась от рывка, утренний воздух дохнул в лицо.

– Пан Тимиш, что вы делаете? Пустите же, мне больно! – пытаюсь вырваться из его хватки, вскричала Татьяна.

Томашек дернул ее еще раз, вытаскивая наружу. Татьяна с изумлением взглянула на запряженную открытую коляску, поджидающую их у заднего крыльца.

– А прокатимся, панна Татьяна, – впервые за все утро открыл рот паныч. – По холодку. Слыхали ж – лекари рекомендуют, – и он сделал явную, хотя и несколько неуверенную попытку подтащить ее к коляске.

Еще не вполне понимая, в чем дело, Татьяна уперлась каблуками в крыльцо и на всякий случай уцепилась свободной рукой за дверной косяк.

– Прошу прощения, но я не расположена кататься, – стараясь говорить сдержанно и спокойно, возразила Татьяна. Почему он ее не отпускает? Так же синяки на руке останутся, при открытом-то бальном платье – невообразимый ужас! – И впрямь холодно, а я без плаща, и шляпка в покоях осталась.

– Вы и без шляпки хороши, панночка, – воровски шныряя глазами то в глубь дома, то по пустынному заднему двору, словно боясь, что их увидят, пробормотал паныч. – И без плаща хороши, и без ботинок, и без...

– Вы заходите слишком далеко! – стараясь повторить голосом интонации, с которыми мама́ отчитывала зарвавшихся кавалеров на балах, сказала Татьяна.

– Та где там далеко, панна графиня, всего-то до нашего имения, и не пойдём, а поедём! – он снова подтолкнул Татьяну к коляске. – Да не кобеньтесь вы, панночка! – Томашек поглядел на нее с возмущением. – Пан нотариус с утра ждет, небось, всю нашу наливку уж повыпил!

– Что за нотариус? Зачем? – недоуменно сдвинула брови Татьяна.

– Ну так... – паныч сбился, поняв, что сболтнул лишнее. Но как теперь выпутываться, он не знал, а потому выпалил: – Контракт кто составит, ежели не пан нотариус? Мы с батюшкой люди простые, всем этим штучкам не обученные!

– Какой контракт, о чем вы говорите, пан Тимиш? – совсем растерялась молодая графиня.

– Так брачный же! – впад в полное отчаяние, возопил тот. – Что ты, панночка, обязуешься за меня замуж пойти, а пока управление своими имениями батюшке моему доверяешь!

Растерянность исчезла. Ее неприятные догадки и впрямь верны! Пан Владзимеж давно поглядывал жадным глазом на оставленное ей наследство да пугал намеками на сватовство своего полоумного сынка. Но право же, она не ожидала, что отец с сыном решатся на похищение! Впрочем, страха не было. Уж больно комичной и нелепой выглядела сия ситуация со справжним шляхетным рыцарем пришепелкуватым Томеком, который намеревался увезти ее на край света в соседнее имение для составления брачного контракта.

– Пан Тимиш, это вы мне так предложение делаете? – сдерживая смех, спросила она.

Томашек задумался:

– А чего же – и делаю! Ты, панночка, хоть из пришлых, однако богатая да знатная, чего бы мне на тебе не жениться? Хотя мне больше простые девчонки нравятся...

– С девушками простого звания ваше поведение было бы более уместно. – Татьяна почувствовала, что начинает злиться. Как он смеет, хам? Право же, таких женихов надобно бежать, как огня! – Для начала следовало выяснить, желаю ли я, чтоб вы на мне женились!

– А тебе-то какая разница? – простодушно поинтересовался паныч. – Все едино твоя экономка сегодня вечером тебя сговорит – не за одного, так за другого. Кто денег даст больше, – добавил он.

– Что за бред, пан Тимиш? Что сие значит?

– То и значит, панночка, – сообщил от дверей густой голос, и пан Владзимеж выступил из черного хода, по пути легко отцепив Татьянины пальцы от дверного косяка. Бросил уничижительный взгляд на сына и пробормотал: – И впрямь пришелепкуватый – ничего поручить нельзя. – Повернулся к Татьяне: – Пани экономка на твоей помолвке добрый куш сорвать желает. Ее тоже понять можно, – рассудительно заметил он, – кто ж из панов шляхты дозволит простой бабе и дальше графским добром управлять? Годик попанствовала, набила карман как могла, девок своих приبلудных подкормила да принарядила – будет с нее! Самое милое дело тебя, панночка, за кого из шляхетских сынков сговорить, а тогда уж с дорогой душой графским именем править. Знаешь, сколько соседей на твои луга, да поля, да коп-тильни облизываются? А почитай, все, у кого сынок холостой есть! Ежели б они друг с дружкой за тебя не тягались – ты б уже с полгода как просватанная была, и никакой траур тебе бы не помог.

Слушавшая его в оцепенении Татьяна наскоро перебрала в уме соседских панычей – и содрогнулась от ужаса. Все было не так, как она подозревала, а гораздо хуже!

– Ну а уж дольше траура терпеть тебя непристроенную никак не возможно, – продолжал невозмутимо рассуждать пан Владзимеж. – Вот твоя пани экономка и предложила: чтоб меж собой не ссориться, да чтоб она свое опекунство без шума сняла да из имения съехала, пусть паны соседи ей денег дадут. Кто больше всех даст, с тем она тебя своей опекунской властью и обручит. Сегодня вечером паны шляхта при деньгах на бал съедутся – тут все и решится.

– Она меня продает, – неживым голосом сказала Татьяна. – Как крепостную девку.

– Вот-вот, – согласно закивал пан Владзимеж, и на его полной физиономии расплылось хитрющее выражение. – Соседи-то согласились, а я думаю: много на себя берет пани экономка. Тебе обидно, нам – накладно. Мы с Томашком и удумали: поезжай, панночка графиня, с нами в имение. Поживешь с недельку-другую – и окромя Тимиша моего никто уж на тебе до скончания лет не женится. Как тогда пани экономка ни виляй, а придется ей тебя за моего сынка сговаривать.

Татьяна поглядела на пана недоуменно. Уж не лишился ли он рассудка? Предлагает ей себя по гроб жизни опозорить, чтоб из всех возможных женихов получить худшего? Она огляделась по сторонам – нет ли кого из дворни, чтоб защитил ее от сих безумцев. Однако никого не было, окромя незнакомого цыганенка, что шел по парковой аллее, ведя в поводу громадного вороного жеребца с белым пятном на лбу. Цыганенок глядел на них с любопытством, но помощи от него ждать не приходилось – кочевое племя в чужие дела не мешается.

– Ты не думай, мы не потому, что у нас денег нет, деньги-то нашлись бы, да только зачем лишнее тратить? – торопливо сообщил пан Владзимеж. – Тебе и самой не резон, чтоб муж будущий столько золота, почитай, на глупости выкинул. А из сэкономленного мы тебе потом колечко купим. Хочешь колечко-то? Матушки твоей шкатулку с драгоценностями пани экономка небось давно уж к рукам прибрала?

– Мне от вас ничего не надобно, – твердым голосом сказала Татьяна. – Извольте убраться прочь и больше не появляться в моем доме! Я с вами никуда не поеду!

– Да кто ж тебя спросит-то? – словно бы с сожалением вздохнул пан Владзимеж, нагнулся, подхватил Татьяну под коленки и, будто мешок, перекинув через плечо, понес к коляске.

Графиня отчаянно завизжала. Жесткая, пахнувшая салом и дегтем рука с силой зажала ей рот. Татьяна немедленно впилась в эту противную лапищу зубами.

– Кусается, стервь! – вскрикнул у нее над головой пан Владзимеж. – Она за это поплатится! А ну-ка, Томашек, накинь невесте мешок на голову!

Татьяна забила ногами, понимая, что, если сейчас ее снесут с крыльца да бросят в коляску, спасения уж не будет. Крепкие руки намертво обхватили, не давая и шевельнуться, ухмыляющийся Томашек распахнул вонючий холщовый мешок...

Что-то гибкое и стремительное прыгнуло из темного провала дверей. Перед глазами Татьяны взметнулся вихрь черных волос, она увидела тонкую, до прозрачности белую девичью руку. Изящные хрупкие пальцы сомкнулись на горле Томашека... паныча подняло в воздух и с силой отшвырнуло на дорожку.

Черноволосая панночка крутанулась, взвихрив полы своей чудной, схожей с мешком, рясы. Висящая на плече у пана Владзимежа графиня даже зажмурилась – боже, какое неприличие! Не выпуская Татьяны, пан Владзимеж попятился с крыльца.

– Прочь, холопка, как смеешь! – гаркнул он, швыряя графиню в коляску. Больно ушибая локти и колени, Татьяна упала на сиденье, а когда выпрямилась, у пана Владзимежа в руках уж было охотничье ружье.

– Стой на месте, или свинцом начиню! – гаркнул пан и, не дожидаясь выполнения своего приказа, выпалил в лицо черноволосой заряд дроби.

Запряженная в коляску гнедая пара беспокойно затанцевала.

Черноволосая легким, нечеловеческим в своей гибкости движением изогнулась назад, будто лук. Заряд дроби пронесся над ней и усвистел в распахнутую дверь. Из глубины дома слышались испуганные крики.

А незнакомка взвилась в высоком, почти достигающем окон второго этажа прыжке, ее ряса и черные кудри разлетелись... и рухнула прямо на плечи пану Владзимежу. Выбитое из рук ружье отлетело прочь, с силой захватив в лоб начавшему было подниматься Томашеку. Паныч без звука вновь растянулся на земле. Тонкие бледные пальцы впились в горло старого пана...

– Отцепись, тварь! – хватая черноволосую за запястья, прохрипел тот, но разжать хватку этих хрупких рук было все равно что разогнуть стальные прутья.

Замершая в коляске графиня увидела, как девушка уставилась на шею пана со странной и пугающей жадностью. Ее изумрудные глаза затуманились необоримым желанием, она облизнула бледные губы кончиком язычка, приблизила свое лицо к горлу пана... Маленький ротик приоткрылся, и из-под верхней губы блеснули два острых, как шилья, клыка. С жадным вскриком она впилась пану Владзимежу в горло.

Тут же отпрыгнула прочь, затыкая себе рот ладонью. Татьяна увидела ее широко распахнутые, полные отчаянного ужаса глаза. Зажимая прокушенную шею, рухнул на колени пан Владзимеж. Кровавые капли сочились сквозь пальцы.

И без того напуганные лошади, почуяв запах свежей крови, не разбирая дороги рванули прочь, волоча за собой коляску. Татьяну швырнуло на дно, потом экипаж подпрыгнул, словно колесо перекатилось через некое препятствие. Из-под колеса донесся полный боли мужской крик. Коляску швырнуло в одну сторону, в другую...

Отчаянно цепляясь за поручни, Татьяна взобралась на сиденье и поняла, что – беда. Обезумевшие гнедые во весь опор неслись центральной аллеей парка прямо к распахнутым воротам. Выскочивший на топот копыт сторож едва успел увернуться от идущей сумасшедшим галопом пары. Коляску ударило о кованую створку ворот, едва не размозжив Татьяне голову, и вынесло на мощенную брусчаткой дорогу.

Вожжи, где вожжи? Только бы добраться до вожжей, и она сумеет остановить разогнавшихся коней, недаром отец учил ее править упряжкой.

Изо всех сил цепляясь за поручень, Татьяна перегнулась через верх... и поняла, что пропала. Отвязавшиеся вожжи упали вниз и теперь болтались между копытами несущихся вскачь лошадей. Коляску снова швырнуло в сторону. Если не выдержит чека и отлетит колесо – она разобьется! Если выдержит – разобьется все равно. Впереди дорога делала кру-

той поворот, на котором коляску неизбежно разнесет вдребезги. Прыгать? Графиня с ужасом взглянула на несущееся мимо полотно дороги. На таком галопе ее размоет о камни...

Сзади послышался настигающий топот копыт. Она обернулась...

Легко, будто стоячих, нагоняя летящую во весь опор пару, скакал громадный вороной. Жеребец поравнялся с роняющими пену лошадьми. Графиня увидела, что, вцепившись к угольно-черную гриву, верхом несется тот самый цыганенок. Мальчишка гнал жеребца бок о бок с обезумевшими гнедыми.

Притиснувшись вплотную к пристяжной кобыле, цыганенок вцепился в упряжь и ловко перескочил лошади на спину, натягивая удила и что-то шепча ей на ухо на своем языческом наречии. Безумная скачка начала стихать, лошади потрусили медленней и в конце концов остановились вовсе, недовольно храпя и роняя клочья пены с боков. Коляска встала, едва не упираясь в тот самый смертоносный изгиб дороги. Еще не веря, что осталась жива, графиня Татьяна обессиленно откинулась на спинку сиденья.

– Ай, панночка-красавица, чего сидим, чего на землю не сходим? Понравилось? Еще кататься будем? – поинтересовался задорный мальчишеский голос.

Глава 4

Странные сказки невесты упыря

Татьяна подняла голову. Давешний цыганенок, вновь на своем (на своем ли?) жеребце, глядел на нее. Она тяжело поднялась на ноги. А ведь она чуть не погибла точно так же, как и ее родители. Отец, наверное, пытался остановить коней, а матушка... Татьяна сама не заметила, как по лицу ее покатались слезы.

– Что плачешь, напугалась? Не плачь, все хорошо, живая осталась, значит, долго жить будешь! Что стоишь, давай сюда!

Еще не вполне понимая, что делает, Татьяна приняла протянутую ей смуглую руку. Ее втащили на спину вороного. И лишь через мгновение она сообразила, что сидит боком, прислонившись к неизвестному цыганскому мальчишке, самым непристойным образом обнимая его за талию. Она попыталась отстраниться, но чуть было не грохнулась. Боже, какая постыдная компрометация! Ежели кто увидит, стыда не оберешься!

– Что ты себе позволяешь! – юная графиня гневно выпрямилась.

– Ай, и правда ваша, панночка, много чести рому, чтоб знатная барышня с ним на одном коне ехала! Так барышня и сойти может, да домой пешочком пойти! Ром не гордый, ром на коне и один поедет!

Каков наглец! Совсем не знает своего места! Графиня уже хотела сойти с коня – пусть убирается, хам, но... Сможет ли она пройти хоть шаг на подгибающихся от слабости ногах?

– Так и быть, позволяю тебе довести меня до ворот, – с достоинством распорядилась панна графиня.

– Благодарствую панночке! – толкая жеребца пяткой, насмешливо сказал цыганенок. – Кабы не панночкино дозволение, так хоть вываливай панночку прям на дорогу!

Жеребец пошел размашистой мягкой рысью.

Татьяну начала мучить совесть – не очень-то она любезна! Пусть он всего лишь бродяга, но он спас ей жизнь!

– Приедем в поместье, и я отблагодарю тебя достойно! – пообещала она, и тут же безжалостная совесть вцепилась в нее пуце. Слово дадено, но сможет ли она его сдержать? Пани экономка смерти своей подопечной, может, и не желает, но навряд ли раскроет кошелек, чтоб отблагодарить за ее спасение какого-то цыгана. Скорей велит дворне гнать мальчишку взашей. А у самой Татьяны денег – разве на церковное подаяние хватит, но уж никак не на графскую награду за спасение жизни.

– Спасибо можно бы и сейчас сказать, – сухо прервал ее размышления цыган.

Вот еще! Заговаривается мальчишка – с каких пор таборные бродяги взяли себе манеры господ гвардейских офицеров? Но самое неприятное, что он прав! Кто бы он ни был, бесчестно отказывать своему спасителю в простой благодарности.

– Спасибо, – тихо-тихо промолвила графиня.

– Ай, солнце на землю упало – гордая панночка простому рому спасибо сказала! – насмешливо протянул цыганенок... и вдруг физиономия его стала настороженной.

Людей еще не было видно, но графиня уже слышала приближающуюся к ним переключку тревожных голосов. Она радостно вспыхнула:

– Это за мной!

Цыганенок согласно кивнул:

– Дворня панночку ищет, – и вместо того, чтоб поехать навстречу, повернул коня с дороги на малозаметную лесную тропку.

– Ты куда меня везешь? – подозрительно спросила Татьяна.

– На базар продавать, – отводя нависающую над тропой ветку, буркнул он. – А не купят такое сокровище, так задаром отдам, еще и доплачу, лишь бы с рук сбыть.

– Не бойся, купят! – немедленно изобиделась графиня. Вечеру, почитай, полгубернии явится ее торговать. – Почему свернул с дороги? Отвечай немедленно!

Наглый цыган неожиданно смутился, заерзал и нехотя выдал:

– Да повидать вас тут кой-кто хочет...

– Она? – мгновенно позабыв о пререканиях, слабеньким голосом спросила графиня.

– Она, – кивнул цыганенок, сразу поняв, о ком речь.

Они помолчали. Впереди замаячили знакомые строения. Пустив коня в объезд заднего двора, цыганенок повез панночку к старой конюшне.

– Там? – жалобно спросила Татьяна.

Ставший необычайно серьезным мальчишка молча кивнул, помог панночке сойти с седла и потянул скрипучую створку.

– Ты мне только скажи... – панночка нерешительно остановилась перед темным входом. – Она не видение? Она на самом деле есть? – выпалила Татьяна.

Мальчишка усмехнулся:

– Она говорит, что это нас на самом деле нет, – сказал он и подтолкнул графиню внутрь.

Позади зацокали копыта – вороной жеребец направился к стойлу так просто и привычно, словно оно было ему родным.

В старой конюшне было полутемно – свет пробивался сквозь узкое окошко под потолком да в щели разошедшихся дощатых стен. Пахло пылью и лежалым сеном. И кровью. От брошенных в сено двух неподвижных тел остро пахло свежепролитой кровью. Татьяна попятилась, с ужасом глядя на распростертых перед ней пана Владзимежа и Томашека.

– Не бойся, – сказал у нее за спиной тихий голос. – Они всего лишь спят. Я им ничего не сделала. Ну, почти ничего...

Татьяна медленно обернулась. Позади нее стояла черноволосая. Облачение из мешковины вблизи производило впечатление еще более пугающее и странное. Все оно было грубо размалевано черными крестами да желтыми языками пламени, среди которых пестрели многочисленные грязно-алые пятна – графиня содрогнулась, понимая, что сие действительно кровь. Странность картины усиливалась тем, что в тонких пальцах черноволосое видение сжимало... шляпку. Модную шляпку нежно-абрикосового шелка, вышедшую не иначе как из мастерских петербургских, варшавских, а то и парижских модисток. Розовые ленты волочились по грязной прелой соломе.

– Привет, – странно поздоровалась черноволосая и неуверенно улыбнулась. Татьяна невольно вздрогнула и тут же вздохнула с облегчением – сейчас зубы ее были совсем обыкновенными, никаких клыков. – Ты... Ты меня помнишь? – дрогнувшим надеждой голосом спросила черноволосая.

– Ах, безусловно, как бы я могла вас забыть! – Татьяна ответила именно так, как ее всегда учила мама. С намертво вбитой маменькиным воспитанием любезно-радостной интонацией и положенной светской улыбкой на устах.

Изумрудные глаза вспыхнули невозможной, запредельной радостью. Черноволосая издала дикарский, крайне неприличный для девицы вопль... И ринулась на Татьяну:

– Ура, ты помнишь! Танька!

Крайне скандализованная Татьяна с удивившей ее саму быстротой отпрянула в сторону:

– Кто дал вам право обращаться ко мне подобным образом? – она гневно выпрямилась, возмущенно воззрившись на черноволосую. – Наш род идет от варягов, что прибыли на Русь с князем Рюриком! Мой батюшка был полковником, кавалером императорских орденов! А вы позволяете себе кликать меня, будто крепостную девку? Я вам, сударыня, не Танька и не

Манька! Вы можете звать меня графиней, или Татьяной Николаевной, или, если вам угодно, Татьяной – мы ведь, кажется, одного круга? – на самом деле графиня не была в этом уверена, но желала быть снисходительной. – Однако же я настоятельно требую, чтоб вы не позволяли в мой адрес холопских кличек! – закончила она уж с меньшим запалом, просто потому, что с каждым ее словом радость, полыхавшая в глазах черноволосой, медленно гасла.

– Извини, – пробормотала та. – Буду звать как ты хочешь. Просто ты сказала, что помнишь меня. Я Ирка Хортица. Можешь так Ирккой и звать, я на этот счет не заморачиваюсь. – Она поглядела на Татьяну печально, как на тяжело больную.

Графиню раздражил этот взгляд, и она сухо ответила:

– Весьма рада знакомству. Однако же я вас действительно помню. Я видела вас во сне, и еще вы являлись мне в спальне и на лестнице. Вы ведь... – она замылась, – невеста упыря?

– Кто? – вскричала черноволосая так свирепо, что графиня невольно перетрусилась. Не хотелось бы разделить участь пана Владзимежа с сынком, хоть черноволосая и говорит, что они всего лишь спят.

– Что за наезды, я не врубаюсь? Какой-то дохлый упырь в женихи набивается, а меня кто-нибудь спросил, согласна я или нет? – продолжала кипятиться панна Хортица.

Татьяна не слишком понимала ее слова – кто куда наезжает, кто и что рубит?.. Девушка выражалась странно, однако ж кипящие в ней чувства были графине весьма созвучны.

– Меня пан Томашек с батюшкой тоже не спросили, – невольно вздохнула она.

– Этот, что ли? – хмыкнула черноволосая, совершенно непочтительно пиная бесчувственного паныча. – А когда он был просто инклюзником Тимом, к тебе вроде не клеился?

– Не понимаю, о чем вы, – графиня устало присела на перевернутую старую поилку. – Ежели б один пан Томашек моей руки домогался! А то... Понаедут сегодня вечером – все, у кого сыновья да деньги найдутся.

– Ничего себе, – ошеломленно пробормотала панна Ирина. – Эпидемия какая-то... А тебя ж старый пень вроде тоже обмел?

– Не вполне понимаю, о каких пнях вы изволите говорить, но моя беда в богатом наследстве, что досталось мне от покойных родителей, – вздохнула Татьяна.

Цыганенок, до той поры молча чистивший своего вороного, вдруг отбросил скребок и ехидным тоном сообщил:

– А сейчас она скажет, что твои родители не умерли.

– Богдан! – вскинулась панна Ирина, но потом смущенно покосилась на Татьяну и выдавила: – Ну, вообще-то – да. Не умерли.

– Сударыня, грех вам шутить над чужим горем, – чопорно поправила ее Татьяна. – Вся Подольская губерния знает, что мамá и папа́ погибли, и даже в «Петербургских ведомостях» об том было пропечатано.

– Нету давно никакой Подольской губернии! – обронила черноволосая.

Татьяна насмешливо приподняла бровь:

– Вот как? Губернии нет? Где же мы, по вашему, находимся? Может, и Санкт-Петербурга нет? А государь-император тогда где изволит пребывать?

– Государь-император уже сто лет как ничего нигде не изволит, – небрежно отмахнулась черноволосая панна. – А Санкт-Петербург есть. В России.

– Так мы и есть в Российской империи! – возмутилась Татьяна.

– Нет, – покачала головой панна Хортица. – Мы – в игре. Понимаешь... – она задумалась, подбирая слова. – Все, что вокруг тебя, не настоящее, это всего лишь четвертый тур игры. Позавчера вечером мы – ты, я и Богдан, – она указала на цыганенка, – приехали в Каменец-Подольский, чтобы участвовать в квесте...

– В квесте? Рыцарском поиске приключений? – графиня стало совсем смешно. – Цыган-рыцарь, какая забавная шутка!

– Это просто так игра называется! – утратив всякую присущую девице сдержанность, закричала панна Ирина. – А Богдан и вправду в какой-то мере рыцарь!

Теперь уже завопил цыганенок:

– Ты говорила, я инженерский сынок!

– Всю правду я говорила! Я бы еще сказала, если б вы хоть на минутку заткнулись!

– Фу, как грубо! – невозмутимо парировала графиня.

Черноволосая со стоном почти рухнула на перевернутую поилку:

– Короче! Мы разгадали магическую загадку, спасли говорящих медведя, ворона и щуку, встретились со скарбниками, инклюзниками и ведьмами, потом на игроков разозлилась Баба Яга и заклала нас всех! Мецентрийская Гидра закрутила нас ураганом и плюнула, мы летели на воздушных шариках, потом я нашла Богдана в цыганском таборе, мы угнали у цыган коня, потом нас вынесло в подвалы инквизиции, конь превратился в козу, а главный духовный судья оказался упырем, а потом... А чего это вы оба на меня смотрите, как будто я психическая?

– Нет-нет, ну что вы, – ласковым-ласковым тоном сказала Татьяна. – Я думаю, ваша нянюшка просто слишком много рассказывала вам сказок.

– Ты мне не веришь? Ну я тогда даже не знаю... – она поглядела на Татьяну растерянно. Растерянность сменилась всплеском злости. – Ладно! Пожалуйста! Делайте, что хотите! В нормальной, в реальной жизни вас ждут родители! Они даже еще не знают, что вы пропали. Они думают, вы развлекаться поехали, на каникулы! А вы даже пальцем не пошевелите, чтоб к ним вернуться, а только рыдаете – ах мы бедненькие сиротки, нас никто не любит, все обижают...

– Но, согласитесь, вы рассказываете совершенно невозможные вещи, – смущенная ее напором, пролепетала графиня.

– Ай, невозможные, да не совсем! – неожиданно вмешался Богдан. – Как конь в козу превратился, я сам видел!

Вороной обиженно затряс головой.

– ...И упырь был – паршивый пан, кровь пил!

Татьяна подумала, что ведь и она видела нечто необычайное. Затруднительно отнести к обыденным ситуацию, когда хрупкая на вид паненка, как пушинку, швыряет калачами кормленного паныча, а потом впивается клыками в горло его батюшке.

Но тут же и спохватилась:

– Принимать всерьез слова бродяги, который и грамоте-то не обучен?

Цыганенок обиженно надулся:

– А вот если не соврала гадалка, – он кивнул на черноволосую, – и батька мой взаправду не цыган, а пан инженер, так я его найду и при нем всему обучусь, не хуже всяких знатных панночек стану! А ты, панночка, за этого пришепелкуватого замуж пойдешь, – он ткнул в валяющегося на соломе Томашека, – будешь с него пьяного сапоги снимать!

– Панна Ирина, уймите вашего наглого цыгана! – ледяным тоном потребовала Татьяна. – Он, кажется, и вовсе изволил забыть, кто он и кто – я!

– Ай, панночка, ты сама-то знаешь, кто ты есть? Вот кто ее батька на самом деле? – он повернулся к панне Ирине и уставился на нее с требовательным азартом.

– Ну вообще-то у Таньки... то есть... гхм... у Татьяны Николаевны, – чуть насмешливо улыбнулась та, – отец очень крутой. Недвижимостью торгует.

– Сударыня! – теперь графиня чувствовала, что просто захлебывается от гнева. – Я благодарна вам за спасения от похитителей, но ваше оскорбительное поведение принуждает меня прекратить с вами всякое общение. Как смеете вы позорить славную память моего почтенного батюшки, утверждая, что он... – она задохнулась, не в силах продолжать, и, лишь

справившись с собой, смогла с невыразимым презрением выдать: – Что мой папа – жалкий торговец? Быть может, вы еще скажете, что он даже не дворянин?

– Что-то я тебя не поняла? – панна Ирина взглянула на нее с ответным возмущением. – Тебе родители нужны или чтоб они обязательно графьями были?

Нет, беседовать с сей панной решительно невозможно!

– Вот как вы трактуете мои слова? Думаете, я выгоды ищущая? Я люблю своих родителей! – с силой выкрикнула Татьяна. – Мне без них плохо! И я никому не позволю говорить про них всякие гадости, вроде того, что мой отец чем-то там... – она скривилась и процедила: – Торгует! – слезы набежали на глаза, она отвернулась и пристально уставилась на переступавшего в стойле вороного.

– Слушай, ты только не реви, – жалобно попросила панна Ирина.

– Я вовсе и не плачу, – сказала графиня и вразрез с собственными словами простонародно шмыгнула носом. – Это и есть тот самый конь, что в козу превратился? – желая сменить предмет разговора, спросила она. – Отличный жеребец. На Леонардо похож.

– На кого? – после долгого молчания переспросила панна Ирина.

– Батюшкин вороной, на всю губернию лучший. Его давно, еще до моего рождения цыгане свели, вот из этой самой конюшни, – она недобро покосилась на цыганенка. – Папа его все вспоминал...

– А на этом вашем жеребце... – вновь после паузы спросила панна Ирина, – на нем какие-нибудь заклятья были?

Татьяна улыбнулась:

– Обычно такие вещи тщательно скрываются, но сейчас какое это имеет значение? Извольте, батюшкин пропавший вороной был под «кфицас адерех» – заклятье «скачок дороги». Его сам каменецкий ламед-во́вник клал. Один из тридцати шести великих тайных праведников, – пояснила она. – Тех, что берегут мир от гибели. Обычно они скрываются, представляются людьми самыми жалкими и никчемными, однако же батюшка откуда-то знал. Он много знал такого, что другим неизвестно.

Теперь за спиной молчали долго. Очень долго.

– А зачем они жалкими прикидываются? – спросила панна Ирина.

– Это-то как раз понятно. Чтоб люди не пытались использовать их для мелких дел, с какими могут справиться и сами. Мощь тридцати шести хранителей велика, но не беспредельна, и если израсходовать ее на малое, против великой беды можно и не устоять.

– Слушай... – задумчиво протянула панна Ирина. – Ты случайно старикана такого, слегка придурковатого, не знаешь? У него еще вечно волосенки дыбом, одежда грязная, а из карманов то семечки, то ореховая скорлупа сыплется?

– Хаим Янкеля? – равнодушно переспросила графиня. – Так он сейчас на кухне.

– Ой-вэй! Панночка такая умница, что старому Хаим Янкелю даже стыдно говорить, что панночка сильно ошибается! Хаим Янкель курочек отдал, пани экономка Хаим Янкеля обманула – что ему дальше делать на кухне? Лучше Хаим Янкель на конюшне посидит, с умными молодыми людьми нужные разговоры поразговаривает!

Глава 5

«Роллс-ройс» Ильи-пророка

Знакомая фигура в вечно заляпанном грязью лапсердаке появилась на пороге конюшни. Подволакивая ноги, старик с всклокоченными седыми волосами прошаркал к барышням.

Цыганенок Богдан поглядел на старика, и губы его исказились злой улыбкой:

– Ай, напрасно ты пришел сюда, старик! Или ты цыган не знаешь? Или не слыхал, что по таборным законам с предателями делают? – смуглая рука скользнула за голенище, блеснул нож.

– Не нервнируйте себя, молодой человек! – старик небрежно отмахнулся и, перевернув вверх дном валяющуюся рядом корзину, уселся, сложив узловатые руки на коленях. – Неужели вы будете кидаться на старого человека с ножом, резать старому человеку глотку? Я не говорю о том, как это сильно некрасиво, но кому оно надо – столько крови?

– Мне, – легко, как тень, панночка Ирина скользнула к старику, и пальцы ее скрючились, наподобие птичьих когтей. – С тех пор как вы, дедушка, меня упырю скормили, мне все время хочется крови, – из-под верхней губы опять блеснули клыки! Глаза засветились безумным жадным светом, оскаленная паненка нависла над стариком, и графиня Татьяна оцепенела, понимая, что сейчас свершится нечто ужасающее!

– Хочется, не хочется, это, деточка, совершенно несерьезное отношение к вопросу, – старик невозмутимо глядел на надвигавшийся кошмар водянистыми подслеповатыми глазами. – Мне тоже хочется спокойно пить по утрам кофий с булочками! А мне говорят: иди, Хаим Янкель, и, как ты есть один из тридцати шести тайных праведников, сделай что-нибудь с этим миром, чтоб он не накрылся хотя бы до завтра. И я иду и делаю, хотя точно знаю, что завтра начнется все то же самое. И если старому ламед-во́внику говорят, что мало несчастному городу Каменцу турецких походов, и казацких походов, и польских жолнеров⁵, и, тьфу на них, королевских налогов, так еще в город упырь залетел, то старый ламед-во́вник хорошо понимает: вот теперь-то город может и не выдержать. Что-то одно надо убирать – или упыря, или налоги. Так, согласитесь, упыря легче! Но что поделаешь, старый Хаим Янкель не может гоняться за упырем с осиновым колом. Во-первых, это был такой сильный упырь, что его уже не брал никакой осиновый кол, а во-вторых, какие могут быть гонки при моем артрите и большой пояснице? Зато старый Хаим Янкель может познакомить упыря с хорошей девочкой, только ай-яй-яй, такой склероз, забывает сказать, кто у девочки папа...

– При чем здесь мой отец? – отрывисто спросила панна Ирина. Жуткий отблеск в ее глазах погас, пальцы распрямились, она слушала старика если и без радости, то хотя бы со вниманием.

– А затем, дорогая моя, что вы от рождения ни одному упырю не по зубам, – старик вдруг отбросил свою обычную манеру речи – будто маску снял. Несмотря на всклокоченные волосы и старый лапсердак, теперь он никому не показался бы жалким. Теперь это был просто усталый человек, обремененный множеством важных и неотложных забот. – Унаследованная вами от отца кровь бога Симаргла – немного не то, что способен переварить упыринный желудок.

– Древний славянский бог Симаргл – ваш батюшка? – изумилась графиня.

– Оставьте, панночка-графинюшка, Ирочка не шибко жалуется разговоры о своем непутевом батюшке, – отмахнулся старик.

---

⁵ Солдат.

– Вы мне зубы, как тому упырю, не заговаривайте! – пригрозила панна Ирина. – Как вы... нет, когда вы о нем вообще узнали? В нашем времени, когда игра только началась? Или в средневековье? Как это вы его убирать собрались – перебраться из будущего в прошлое?

– Ирочка, я вас так умоляю! Каждый день и даже каждую секунду вы перебираетесь из прошлого в будущее – и вас это почему-то совершенно не удивляет! Поверьте старому ламед-вогнику, время – это такой проходной двор!

– Вы меня упырю как червяка на крючке подсунули! – уже вовсе без ярости, скорее жалобно, пробормотала панна Ирина.

– Скорее как отраву, – невозмутимо сообщил старик.

– Вам должно быть стыдно, пан Янкель! – чувство справедливости заставило графиню вмешаться. – Хотя вы и сохранили город от гибели, но поступать так с дамой не подобает!

– Мне и впрямь стыдно, панночка графиня! – старик вдруг согласно кивнул. – Я, дурак старый, думал: куснет он нашу Ирочку, кровушки глотнет и тихо издохнет, и больше никого от него беспокойства! А он что? – возмущенно переспросил старик.

– А что он? – поинтересовалась графиня и тут же почувствовала, как голова у нее начинает кружиться, перед глазами мелькают странные картины, и она словно проваливается куда-то...

Давящие каменные своды сомкнулись над головой. Черноволосая панночка, смежив очи, бессильно бьется в когтистых лапах упыря. Торжествующий монстр с омерзительным свистом втягивает в себя кровь жертвы... И вдруг его щеки начинают раздуваться. Они надуваются и надуваются, лысая голова превращается в гладкий шар, в котором теряются черты лица, вспучивается шея, распирает рясу вздутый живот, тело жертвы вываливается из безобразно раздувшихся лап чудовища. Взрыв заставляет содрогнуться каменные стены. Ключья бледной кожи разлетаются в стороны, брызги черной, как деготь, крови прихотливыми узорами пятнают камни...

– Он... лопнул, – открывая глаза, жалобным голосом произнесла графиня. – Упырь лопнул, и капли его крови попали вам на губы!

– Я теперь упыриха? – пронзительно глядя на деда, вскричала панна Ирина.

– Еще не совсем – на солнце-то вы пока можете находиться? Но дело, несомненно, идет к тому, – бодро заверил ее старик.

– Дедушка Янкель, а вам не кажется, что для меня это немножко перебор? Что мне делать с когтями, зубами и желанием пить кровь из кого попало?

– Что делать с когтями и зубами, вы лучше меня знаете, – усмехнулся старик.

Графиня сего ответа не уразумела, а вот панна Ирина, похоже, поняла прелюбопытно и сердито нахмурилась.

– А насчет жажды крови – все то же самое, что вы и так собирались делать! У вас остались сутки и половинка – до двенадцати ночи третьего дня – чтобы пройти все туры игры и вырваться из-под заклятья Бабы Яги. Тогда и ваш вампиризм исчезнет. Ну разве что какие-нибудь остаточные явления...

– Так что же... – несчастным голосом протянула графиня. – Все вокруг действительно не настоящее, а лишь глупая игра?

– Ничего она не глупая! Сама ты... – вдруг от души возмутился слушавший их Богдан и замер с открытым ртом, будто сам не понимая, что же такого сказал.

– Прорывается иногда, – одобрительно улыбнулся старик.

– Что прорывается? – переспросила графиня, не вполне, впрочем, уверенная, хочет ли услышать ответ.

– Истинная натура.

Сквозь щелястые стены конюшни послышался странный рокот, а потом длинный гудок.

– Это что такое? – изумленная графиня уставилась на двери. – Похоже, у нас на заднем дворе... гудит пароход?

– Какой еще пароход! Автомобиль это, – досадливо бросила панна Ирина и тоже вдруг замерла точно как ее цыганенок – с открытым ртом. – В девятнадцатом веке – автомобиль? Что за бредятина? – и одним прыжком метнулась к выходу.

Цыганенок помчался следом. Панна графиня попыталась идти, сохраняя достоинство, но потом не выдержала и, подобрав подол, бросилась бегом. Она выскочила на двор – и чуть не завизжала от ужаса. Неспешно пропихивая громоздкую тушу меж амбаром и коптильней, выкатив круглые неподвижные глаза и не переставая рычать, к ним лезло чудище!

– Монстр! – дрожащим голосом воскликнула Татьяна.

Цыганенок повел себя странно – шагнул вперед, оказавшись меж графиней и чудовищем, лицо его стало решительным, а в руке по-прежнему был зажат нож.

– Ничего не монстр! – панна Ирина даже обиделась. – Настоящий «Роллс-ройс», причем старинный! Ты мне сама рассказывала, что это теперь сама гламурная фишка – старинные автомобили тюнинговать, в смысле ремонтировать по-нормальному!

– Когда я вам это рассказывала? – изумилась Татьяна. – И что такое «гламурная фишка»? А этот «Роллс-ройс» – он очень опасный?

– Выхлоп большой, в смысле, загрязняет сильно, а так ничего, – ответила панна Ирина.

Загрязняет? Ужели главная опасность – фу, гадость какая! – в его испражнениях? Графиня еще успела ужаснуться, когда... в брюхе монстра открылась дверца. Оттуда выглянул крупный мужчина средних лет, одетый в черное, в круглой шляпе, из-под полей которой свисали туго закрученные пейсы. И тогда графиня поняла, что это вовсе никакой не монстр – а повозка! Нечто вроде кареты, только каких же странных очертаний, с безобразно раздутыми колесами, и... и без лошади!

Человек в повозке нашел глазами Хаим Янкеля и кивнул ему, предлагая садиться.

– Давайте прощаться, ребята, – сказал старик. – Думал я вас до конца игры довести, но сами видите – вызывают, – он кивнул на необычную карету. – Работа, всегда работа...

– А как же заклятье Бабы Яги? Оно же вас из квеста не выпустит! – сказала панна Ирина. Сейчас она, кажется, вовсе не хотела, чтоб странный старик уходил.

– Барышня, я вас таки умоляю! – возвращаясь к своему привычному тону, отмахнулся ламед-во́вник. – С каких это пор Таможенница может сказать свое Слово Хранителю?

– Почему Баба Яга – таможенница? – растерялась панна Хортица.

– Ой, я читала! – обрадовалась графиня. – Батюшка «Труды» Петербургской академии наук выписывал регулярно! Там один ученый господин рассуждал, что сказочная избушка Бабы Яги суть народное представление о границе меж нашим миром и миром иным! Потому через сию избушку всегда проходят богатыри.

– Угу. Таможенница их кормит, поит, спать укладывает и мечи-кладенцы измеряет – на предмет разрешенной к проносу длины, – насмешливо согласился старик. – А Хаим Янкель аж никак не богатырь – упаси бог! – Хаим Янкель всего лишь скромный ламед-во́вник, а у всех Хранителей – тьфу, тьфу, чтоб не сглазить! – на эту старую вредную штрундю полный физический и дипломатический иммунитет. Сами убедитесь, – многообещающе усмехнулся он, оглядывая троицу. – Когда ваше время придет.

– А еще... Это уж местные легенды говорят... – волнуясь, начала Татьяна. – Когда ламед-вовника призывают к трудам... За ним приезжает сам Илья-пророк! – выпалила она и вопросительно уставилась на человека в повозке.

– Вообще-то я не так себе Илью-громовержца представляла, – несколько неуверенно сказала панна Ирина, тоже с любопытством разглядывая человека с пейсами, восседающего за рулем «Роллс-ройса».

– Девушка, это все сплошные предрассудки, поверьте старому, заслуженному ламед-вóвнику, – строго сказал старичок и направился к своей чудной карете без лошади. Приоткрыл дверцу, нагнулся, усаживаясь, потом обернулся. – Но если угодно, можете взглянуть на него так, как обычно видит его ваш народ, – дверца захлопнулась.

Повозка вновь зарокотала, медленно тронулась, гуднула на прощание, и... взмыла над домом и амбарами! Набирая скорость, понеслась над садом и парком.

– Эти автомобили... тюнингованные... Они еще и летают? – мечтательно спросила графиня, глядя вслед улетающей карете.

– Ну, так серьезно не тюнингуют, – рассеянно ответила панна Ирина и вдруг крепко взялась одной рукой за плечо цыганенка, а второй сжала Татьянину ладонь.

И графиня увидела! Высоко над землей, меж копытами облака, бешеные кони несли гремящую колесницу. Крепко держа вожжи, в колеснице во весь рост стоял могучий богатырь в вышитой рубахе. Порывы ветра трепали его волосы и бороду и рвали с плеч богатырский плащ. А на заднем сиденье колесницы смешно подпрыгивал маленький всклокоченный старичок в грязном лапсердаке и с растрепанным веником под мышкой.

Извивистая молния вылетела из-под конских копыт, грянул гром, и колесница исчезла. На землю упали первые капли дождя.

Глава 6

Четвертый тур, растудить в качель...

– Мы должны найти ведущего! Раньше, чем дождь ливанет, – поглядывая на небо, решительно сказала панна Ирина.

– Простите, кого? – ошеломленная всем случившимся, поинтересовалась графиня.

– Ну-у-у... – неуверенно протянула панна Ирина. – Один раз он выглядел как оглобля. А второй раз – как скамейка.

– На конюшне много оглоблей. А в парке – скамеек, – ошарашенно пробормотала графиня.

– Эй, гадалка, на конюшне я смотрел – у тех оглоблей глаз нету, – энергично сообщил цыганенок.

– Тогда в парк! – столь же энергично скомандовала панна Хортица и метнулась в аллею, на бегу оглядывая каждую скамейку, в поисках... глаз?

Кутаясь в шаль, панна графиня поплелась следом. Пожалуй, если бы не летающая повозка Ильи-пророка, она бы все же уверилась, что ее новые знакомцы просто безумны. Боясь вмешаться в их настоятельные поиски, она присела на оставленные еще с лета качели.

Странно. Спиной она чувствовала чей-то пристальный взгляд. Но вокруг никого не было. Графиня откинулась на резную спинку. Ощущения буравящего взгляда в спину усилилось. Графиня оттолкнулась ногой. Качели дрогнули, ржаво закрипели, а потом хрипло откашлялись.

– Простите, вы случайно не знаете... Вон те двое... Они не меня ищут?

Графиня стремительно обернулась.

Спинка ее любимых качелей, какую еще при жизни батюшки домашний плотник украсил причудливыми завитушками, дрогнула и словно поплыла. Рисунок резьбы будто перемешался – грустно помаргивая складками дерева, на графиню вопросительно глянула пара печальных очей.

Из перехваченного горла Татьяны вырвался сдавленный писк.

– Чего верещишь? – поинтересовалась неслышно очутившаяся возле нее панна Ирина и тут увидела глаза. – Вот не зря вы каждый раз в деревяшку превращаетесь! – вместо приветствия мстительно возвестила она. – Есть на свете справедливость! Додумались – упыря в третий тур подсунуть!

– Паненка! Как вы могли подумать! – резьба на спинке качелей вновь поплыла, складываясь в длинный щелястый рот. – Мы ж не безумцы: в игру настоящего кровожадного вампира вводить! Мы заготовили совершенно безопасного, тихого упырика! Некоторые считают его даже милым.

– Не выдумывайте – мирных упырей не бывает! – отрезала панна Ирина.

– Бывает, – отрешенно возразила ей графиня. То, что ее старые качели прозрели и заговорили, стало для нее последней каплей. Теперь она могла совершенно спокойно обсуждать качества упыриного племени. – Редкая разновидность упырей-прорицателей, не появляются на свет нигде в мире, кроме как в Подольской губернии. Сии создания миролюбивы и убийством себя не пятнают, лишь для прорицания порой нуждаются в глотке человеческой крови.

– Ну, если ты так говоришь... – неохотно, но покорно, как соглашаются с непререкаемым авторитетом, кивнула панна Хортица.

Графиню такое безусловное признание смутило, но и польстило до чрезвычайности. Никто – даже папа и мама – не воспринимали ее слова как непреложную истину. А тут панна Ирина, вовсе Татьяну и не знающая... Или знающая? Если поверить в то, что они были

знакомы в некоей иной, позабытой жизни... Но тогда получается, что все нынешнее и впрямь не существует? Нет, сие невозможно! Не-воз-мож-но!

– Где он шляется, ваш тихий прорицатель, пока нас там натуральный упырь обгладывал?

Завитушки резьбы смущенно дрогнули, заметались, будто старались и вовсе удрать. Несмотря на фантастичность зрелища, корчащая причудливые рожи спинка качелей была неуловимо похожа на вороватую физиономию приставленного к погребам мужика, когда мама допытывала его относительно невесты куда сгинувшего годового запаса столовых вин.

– Как выглядит ваш... поводырь, когда он не оглобля, не скамейка и не качели? – неожиданно для самой себя спросила графиня.

– Ведущий, – поправила ее панна Ирина. – Тоже прикольно выглядит, растягивается, как жвачка...

– Что такое жвачка? – поинтересовалась панна Татьяна.

– Жвачка – это... – панна Хортица беспомощно замолчала. – Потом объясню. Или сама вспомнишь. А у ведущего просто руки-ноги длиннющие и тянутся во все стороны.

– Так это он и есть – упырь-прорицатель. С описанием совпадает, – заключила Татьяна.

Панна Хортица подозрительно поглядела на меняющуюся резьбу качелей. Та складывалась то в умильно-заискивающую рожицу, то, наоборот, пыталась принять надменно-неприступный вид и наконец сдалась, покорно растекаясь деревянными завитками:

– Ну да, да! Я и есть упырь-прорицатель! А это, между прочим, была для меня единственная возможность обойти заклятье и рассказать вам об остальных турах квеста! Напророчить! А вы в этого кровопийцу впились, как будто сами из таких! А я вам, между прочим, намекал, что вы не с тем упырем имеете дело! Я вам... я вам подмигивал!

– Замечательно! Меня сжечь собирались, а я должна следить за вашими подмигиваниями! – возмутилась панна Ирина. – Подвинься! – скомандовала она Татьяне и уселась рядом с ней на доске качелей. Горестно нахохлилась, подперев черноволосую голову кулаком. Она казалась очень несчастной и совершенно замерзшей. Графиня чувствовала, как от ее соседки просто тянет холодом. Скинув с себя шаль, она попыталась набросить ее Ирине на плечи, но та остановила ее.

– Не выдумывай! Совсем не холодно! – она подняла голову, оглядывая осенний сад, затянутое тучами небо, свою рясу из мешковины, и пробормотала: – А чего это мне не холодно? – подумала еще мгновение и пришла к заключению, расстроившему ее еще больше: – Обупырываюсь. Счастье-то какое до кучи привалило! Слушайте, – она повернулась и принялась ковырять пальцем резьбу качелей. Деревянные завитушки морщились, но покорно терпели. – Если упырь был не тот и предсказание неправильное, как мы в следующий тур перескочили?

– Ну-уу... Видите ли, паненка, магия – весьма условная область, – глаза уловили непонимание на лице панны Ирины. – Условие было – получить предсказание упыря. Упырь был? Был. Предсказал? Предсказал. Значит, формально условие выполнено, нет никаких оснований не пропускать вас в следующий тур.

– Так он нам предсказал, что мы все умрем! Что я сама убью своих друзей!

– Правильно, – согласился ведущий. – Если за оставшиеся тридцать шесть часов из игры не выберетесь, станете упырицей и загрызете своих друзей с полным удовольствием.

Цыганенок сделал вид, что заинтересовался чем-то в глубине аллеи, и на всякий случай отошел подальше. Приложив все усилия, чтобы это выглядело пристойно, панна Татьяна отодвинулась от своей соседки. Хотела и вовсе встать – боязно! – однако всевластное чувство приличия удержало. Панна Ирина, несомненно, поняла бы ее мотивы и оскорбилась.

– Выберетесь – окажетесь в реальном мире, а предсказание останется в игре и не будет иметь к вам никакого отношения, – поскрипывающим в такт качаниям голосом вещали качели.

– Бр-р, – панна Ирина потрясла головой. – Ничего не понимаю. Ладно, Танька... то есть Татьяна Николаевна теперь с нами, как нам из этого тура дальше выбираться?

Графиня взглянула на свою соседку с возмущением. Ужель она и впрямь полагает, что Татьяна бросит свою пусть не счастливую, но привычную и налаженную жизнь и ринется в загадочный мир, где нет государя-императора, дети отправляются в рыцарские квесты, повсюду вампиры, по воздуху летают тюнингованные автомобили и... где живы мамá и папá?

– Ничего особенного, – небрежно скрипнули качели.

Выражение лица панны Ирины стало обреченным:

– Все ясно – значит, практически невыполнимо!

– Вам нужно добыть клинок Устима Кармалюка!⁶ – торжественно провозгласил ведущий.

– Кого? – в один голос охнули панна Ирина и цыганенок.

– Есть такой местный Робин Гуд, – небрежно пояснила графиня. – Сосед наш, пан Пигловский, отдал его в солдаты, тот бежал, был пойман, бит палками, бежал снова, его опять ловили, сослали в Сибирь, он удрал и оттуда... Ныне со своей шайкой разбойничает на Подолье.

– Грабит богатых, раздаст бедным? – поинтересовалась панна Ирина.

– Наверяд для разбойника имеет смысл грабить бедных, – сухо ответила графиня. – Папá говорил: ежели бы гроши доставались Кармалюку тяжким трудом, он не столь бы легко их раздавал.

– А где его найти, этого Кармалюка? – поинтересовалась панна Ирина. – Желательно побыстрее, пока я еще и упырихой не заделалась. Помимо всего прочего.

– Ежели бы все и каждый знали, где его найти, Кармалюк давно б уже сидел в кандалах в Каменецком замке! Умен разбойник, хитер, повсюду у него шпионы. Обычно он сам приходит туда, где есть богатая пожива, и ни панская дворня, ни жандармы, ни государевы солдаты не умеют его остановить, – панна Татьяна вдруг замолчала, озаренная мыслью столь неожиданной, что, подобно панне Ирине и цыганенку, застыла, вполне по-плебейски открыв рот. Лишь невероятное усилие позволило ей согнать с лица неподобающее воспитанной девице выражение. – Сдается мне, я знаю, что может заставить Кармалюка явиться в наше поместье! Только ежели вы думаете, панна Хортица, что я поверила историям про иную жизнь и отправлюсь с вами в глупое рыцарское странствие, так вы изволите ошибаться! Не знаю, из каких глубин времени и пространства вы прибыли, но я барышня современная и в сказки не верю!

---

⁶ **Кармалюк** Устим Якимович (1787–1835) – возглавлял отряды, что в 1813–1835 гг. нападали на имения в Подольской губернии (более 1 тыс. нападений). Герой народных песен, согласно легендам погиб, преданный возлюбленной, – но в каждой легенде имена возлюбленных различаются. Возможно, женщин было много, возможно, это и стало причиной предательства.

Глава 7

На балу как на балу

– Ладна паненка зр’осла, ладна, ніс не товiе⁷, – оглядывая графиню, будто свинью на ярмарке, процедил крепко сбитый немолодой уж пан, а двое таких же немолодых и крепко сбитых его сотоварищей одобрительно закивали. – Туалет дорогой, небось, по почте выписанный, – одним наметанным взглядом он оценил Татьянин наряд. Его худосочный сыночек, наверняка затянутый в корсет для большей стройности, завистливо вздохнул и стряхнул с рукава своего немилосердно зауженного сюртука невидимую пылинку.

– Весьма рада, почтенные паны шляхта, прошу в дом, – сделав приветливый жест, графиня вымученно улыбалась и старательно держала улыбку, пока каждый из гостей небрежно прикладывался к ее руке. Троица старших панов – пан Анатолий, пан Мыколай да пан Виктор – находилась в теснейшей дружбе с паном Владзимежем. Они даже похожи были, словно под одну гребенку выделаны: коротко стриженные, с толстыми бычьими загривками и хитрыми глазками на вроде бы простодушных толстомясых лицах. Панна Татьяна не удивлялась, что, когда пан Владзимеж со компанией возжелали прибрать к ручищам графское наследство, перед их напором отступила даже самоуверенная Оксана Тарасовна.

Ох, как бы негодовали паны, кабы дознались, что предводитель их славной компании, пан Владзимеж, всех претендентов попытался обойти да Татьяну перед самым затеянным экономкой аукционом и умыкнуть! А впрочем, не все ли ей равно, кто победит – пришелепкуватый Томашек или сей затянутый молодчик, который даже к руке ее склониться толком не может – корсет не пускает! Любой ей отвратителен, сговор с каждым станет ей погибелью, ежели только... ежели только не сработает ее план!

Графиня нетерпеливо глянула сквозь широко распахнутые двери. Во двор въезжали коляски, высаживая у парадного крыльца празднично разодетых гостей. Пестрая вереница соседей неторопливо поднималась по ступеням, приветствуя встречающую их у лестницы молодую графиню. Трепетали веера, колыхались цветы и кружева на шляпках, панночки глядели на Татьянин петербургский туалет блестящими от зависти глазами. Особливо досаждал ненавидящий взгляд Марыси, от какого даже завитки на графинином затылке вроде как сами собой шевелились. Татьяна чувствовала некоторое раскаяние: впервые гнев беловолосой воспитанницы вполне оправдан. Может, и не след им с панной Ириной поступать столь бесцеремонно? Однако не могла же панна Ирина отправляться на бал ни в своей расписанной дьявольскими символами робе из мешковины, ни в детских Татьянинных платьицах.

– Взгляните только на этих троих лайдаков!⁸ Гуляки бессовестные, все как есть в долгах, а хватает наглости являться в приличном обществе! – неодобрительно процедила пани экономка, вместе с Татьяной принимающая гостей. Татьяна увидела появившиеся в дверях три стройные мужские фигуры.

– Пан Валерий, пан Константин, пан Дмитрий! – приветственно кивнула Татьяна.

– Прелестная графиня, как всегда шармант: роза-лилия-хризантема! – скороговоркой выпалил пан Валерий, торопясь перейти к истинно интересующему его предмету. – А как мы? Как мы? – вертясь перед ней, словно портновский манекен, он продемонстрировал новехонький фрак, сшитый по последней каменецкой (позапрошлогодней петербургской) моде. – Взгляните, какой крой! – поглаживая рукав своего фрака, продолжал восторгаться он. – Се

---

⁷ Ничего не скажешь (*польск.*).

⁸ Негодников (*польск.*).

манефик!⁹ Вам нравится, графиня? – он трепетно заглянул ей в глаза, и Татьяна почувствовала, что краснеет.

– Ужели пан Валерий со товарищи сподобились долги своему портному вернуть, что тот им новые фраки шьет, а не грозитя в долговую яму упечь на веки вечные? – с деланным недоумением приподняла брови Оксана Тарасовна.

Пан Валерий скорчил обиженную гримасу:

– Истинные шляхтичи всегда отдают долги! – торжественно провозгласил он и уже более прозаически добавил: – Хотя и не всегда вовремя! Ах, пани экономка нас вовсе не любит, сие так трагично! Но вы-то... Вы-то, очаровательная графиня, нас... любите? – он поглядел на Татьяну бархатным взглядом. Бережно, как готовую улететь птицу, взял ее ладонь в свои и поднес к губам, щечоча теплым дыханием.

– Я не стала бы в своих восторгах заходить столь далеко, – пробормотала графиня, вновь краснея. И впрямь наглец – папá такого б и на порог не пустил, – но в обаянии ему не откажешь.

– Ай, панночка, забери руку скорей, а то гляди, откусит! – звонко и беззастенчиво выпалил знакомый голос, и Татьяна похолодела от недоброго предчувствия.

– Это еще кто такие? – гневно выдохнула пани экономка.

Татьяна поглядела и ощутила одновременно и облегчение – приехали! – и нерассуждающую злость. Мало, что сие цыганское отродье осмеливается вмешиваться в панские разговоры, так он еще и не надел ливрею, которую она с таким риском стащила для него из людской! Как уперся – он вольный ром, а не панский холоп, – так и не надел! И теперь в своем пестром цыганском одеянии вел под уздцы вороного панны Ирины! Да их же немедленно разоблачат: где это видано, чтобы грумом у панночки служил цыган! А сама черноволосая тоже хороша! Татьяна так уж озаботилась, чтоб та выглядела пристойно: Ирина оказалась девицей воспитания панского, да еще и донельзя балованною! Навроде Татьяниной петербургской подружки княжны Томочки Вронской, каковая без прислуги даже пуговиц на башмаках не застегнет! Панна Ирина лишь вертела беспомощно корсет в руках да на Татьяну вопросительно поглядывала. Пришлось графине самой и кринолин ей прилаживать, и черные волосы укладывать, выпустив над ушами два прелестных локона. И все эти усилия пущены прахом! Как панна Ирина додумалась усесться на коня не в благопристойном дамском седле, спустив ноги на один бок, а в мужском, неприлично болтая башмачками с бантами по обеим бокам вороного жеребца? В бальном-то платье! А в седле-то сидит, прости господи, как собака на заборе! Ее привезенная из неведомых миров модная шляпка сбилась на затылок, держится лишь на завязанных под подбородком лентах, кринолин встал безобразным коробом – ужас и неприличие, мамá никогда бы не одобрила...

А Татьянина мамá, которую панна Ирина будто бы знает, которая будто бы ждет Татьяну в странном мире панны Хортицы, – что сказала бы она? Ах, нет, она давала себе слово даже не думать о сих фантастических измышлениях!

Тем временем черноволосая панна, похоже, не слишком смущенная устремленными на нее со всех сторон взорами, неуклюже цепляясь коленом за седло, перетащила ногу через круп вороного и кое-как съехала с коня на землю. Наскоро оправила сбившееся платье и, не дожидаясь своего цыганенка, бойко заторопилась к Татьяне. Графиня чуть не застонала вслух. Ведь обещала же панна Ирина, что будет соблюдать приличия, а вот, извольте! Молодая дама, явившаяся на бал одна – без родителей, или компаньонки, или хотя бы прислуги, – это же скандал! Нет, они все пропали! Прямо сейчас!

---

⁹ Это великолепно! (искаж. франц.)

Оксана Тарасовна с гневным изумлением взирала на приближающуюся барышню в сбившейся шляпке. Одна из воспитанниц, одержимая желанием услужить своей благодетельнице, выскочила у пани экономки из-за плеча и кинулась нежданной гостье наперерез:

– Ты чья такая? Тебе кто разрешил сюда явиться?

Панна Ирина остановилась и уставилась на нахальную воспитанницу с такой недоброй задумчивостью, что та вдруг попятилась, испуганно пискнула и юркнула за спину своей хозяйке.

– Оксана Тарасовна, ваши прошлые робленые уже как-то задавали мне похожие вопросы. Ничем хорошим это для них не кончилось¹⁰, – все с той же задумчивостью сказала панна Ирина.

– Мы... Мы знакомы? – дрогнувшим, видно, от ярости голосом спросила пани экономка.

– Это ко мне... Это я... – заторопилась графиня. – Мы знакомы, еще по Петербургу! Моя подруга... кухня! Ирина... Ирена... Баронесса Ирена фон Хортманн, вот! – выпалила Татьяна.

На подвижном личике новоявленной баронессы промелькнуло изумление, а потом оно налилось такой елейной важностью, будто Татьяна произвела ее не в баронессы, а в архиереи.

Подобрав подол неприлично высоко и жеманно перебирая ногами, панна Ирина взошла на ступени и протянула руку Оксане Тарасовне так, словно рассчитывала, что та ее поцелует. Не переставая говорить, графиня ловко вклинилась между экономкой и гостьей:

– Матушка фройляйн фон Хортманн сейчас... в их баварской резиденции, в Германии.

Панна Ирина метнула на графиню странный взгляд.

– Und wo ist Ihr ehrbarer Vater?¹¹ – на тяжеловесном немецком спросил пан Валерий.

Татьяна поняла, что сейчас разрыдается – она сделала только хуже! Откуда ей знать, говорит ли ее так называемая кухня баронесса по-немецки?

– Der Vater ist jetzt auf Hortiza. Beschäftigt sich mit seinen Sachen¹², – на чистейшем немецком ответила черноволосая, и в голосе ее почему-то проскользнули нотки старой, привычной уже горечи.

– Panienci ojciec mają tam własność?¹³ – громыхнул пан Анатолий. – То добже, в наднепряньских степях найлепший чернозем!

– У него там... резиденция, – с кривоватой улыбкой сообщила панна Ирина.

– А вы к нам, стало быть, прибыли прямо из Петербурга? – с глуповатой улыбкой, ему самому, видно, казавшейся любезной, вмешался затянутый в корсет сынок.

И вот тут Татьяна поняла, что рано позволила себе перевести дух. Из-за плеча Оксаны Тарасовны выглянула неукротимая Марыся, обряженная в скромное домашнее платьице, и звенящим от ненависти голосом выпалила:

– Ежели она прибыла из Петербурга, так почему в моем бальном платье?

Все, это был конец! Они разоблачены! Как она могла рассчитывать, что Марыся не опознает платья, злобно умыкнутого из ее гардероба! Даже несмотря на наскоро пришитые к корсажу кружева и бант на поясе в тон завязкам Ириной шляпки! Графиня поняла, что остается только упасть в обморок, но почему-то никак не падалось.

---

¹⁰ См. повесть «Ведьмин дар». (Примеч. ред.)

¹¹ А где же ваш почтенный батюшка? (нем.)

¹² Отец сейчас на Хортице. Занимается своими делами (нем.).

¹³ У отца панны там имение? (польск.)

– Марыся! Замолчи! Какое еще платье? – неожиданно страдальчески простонала пани экономка и повернулась к гостье. – Вы должны извинить мою воспитанницу, панна баронесса. Она у меня еще не очень... воспитанная.

И Татьяна, и Марыся уставились на Оксану Тарасовну в одинаковом ошеломлении. Тут только молодая графиня сообразила, что голосок у ее опекунши дрожал не только от ярости, но еще и от страха! И боялась она... Да-да, боялась она панны Ирины!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.